

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	7
ГЛАВА 1. Сырым, холодным днем	11
ГЛАВА 2. C'est la vie	23
ГЛАВА 3. Un coup de foudre	29
ГЛАВА 4. Поставьте свою подпись здесь, на пунктире	39
ГЛАВА 5. Лето в Семи Долинах	53
ГЛАВА 6. Холодный, как лед	63
ГЛАВА 7. Узнавая поближе	69
ГЛАВА 8. Время решать	78
ГЛАВА 9. Мадам Кака	87
ГЛАВА 10. Искусство маленьких шагов	94
ГЛАВА 11. Лучшие планы мышей и людей.	108
ГЛАВА 12. Деревенская жизнь	118

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 13. В которой жизнь никогда не будет прежней	128
ГЛАВА 14. Я говорю: «Женщина». Ты говоришь: «La femme».	136
ГЛАВА 15. Повар-недоучка	153
ГЛАВА 16. Магия зверей	175
ГЛАВА 17. Форрест Гамп от мира блогинга	184
ГЛАВА 18. «Тур де Франс»	194
ГЛАВА 19. Французская кухня	204
ГЛАВА 20. Слишком много животных.	212
ГЛАВА 21. День рождения	230
ГЛАВА 22. Земля, где текут молоко и мед	243
ГЛАВА 23. Дом там, где находится твое сердце	257
ГЛАВА 24. Конец, или, скорее, начало	269
ГЛАВА 25. Как стать успешным эмигрантом во Франции	272

ВСТУПЛЕНИЕ

На протяжении долгих лет я встречалась для интервью со многими экспатами, живущими во Франции, и всех их можно было отнести к одной из трех категорий.

Группа 1 — пенсионеры.

Экспаты на пенсии едут во Францию за хорошей жизнью — вино, еда, погода, медицина, качество жизни. Некоторым из них переезд дается легко, некоторым не очень. В основном они счастливые ребята, которые берут максимум от новой жизни, даже если следят за бюджетом.

Группа 2 — беглецы.

Те, кто убегает от чего-то из дома, например, от разрушенного брака, или бизнеса, или от потери работы. Поездка во Францию может быть давней мечтой — или нет. В этой группе также оказываются те, кто ищет приключений за морем. На мой взгляд, для этой группы побег оказывается не самым удачным решением. Нужно правильное отношение, а некоторые из них так и не находят

ВСТУПЛЕНИЕ

жизни, которую ищут, и иногда они даже возвращаются обратно. Остальные остаются, очарованные страной.

Группа 3 — меняющие стиль жизни.

Члены этой группы принимают решение о переезде во Францию часто потому, что они очень полюбили какое-то место — деревню, куда они поехали на отдых, дом, который стал для них родным, или просто качество жизни — или все это, вместо взятое.

В этой группе экспатов мои любимчики — те, кто влюбляется в полуразваленное здание, которое любой другой человек и трогать побоится. В голове этих мечтателей дом — это их личное шато¹, даже если это на самом деле ферма. Для них такой дом воплощает уют, и они знают, что будут ценить его всегда.

Они покупают старые дома, которые французы покупать не хотят, — ведь чтобы их восстановить, провести воду и электричество, потребуется целое состояние. Такие мечтатели ищут дома с несколькими акрами земли — выглядит очень живописно и рождает ощущение свободы и удаленности от безумной толпы.

Они бросают работу, дом, семью, друзей — и бегут за хорошей жизнью во Францию, надеясь, что им повезет. Упаковывают все имущество в грузовик, микроавтобус или машину, запихивают шокированных животных и иногда детей между чемоданами и кухонными принадлежностями и отправляются в розовый закат, радостно прощаясь с прошлой жизнью, погружившись в мечты о новой жизни во Франции.

¹ Шато — загородный дом аристократии во Франции.

Они еще не вышли на пенсию, так что им надо найти новый источник дохода, и часто им приходится переключаться со старого карьерного пути на новые способы использования навыков для заработка денег — а это требует воображения.

Тот факт, что в их будущем доме не будет воды, электричества и ванной, не шокирует их — они планируют жизнь так, чтобы справляться со всеми проблемами. Нет крыши? Не проблема! Раньше они, может, и не работали руками, но они покупают книги и роются в интернете, чтобы узнать, как перекрыть крышу, установить окна, построить стены, оштукатурить комнату и положить пол...

В какой-то неизбежный момент они поймут, что дом, в который они влюбились, — это лачуга, денежная яма, вечно пустой желудок. Их бюджет давно закончился. Чтобы завершить ремонт дома, они должны удвоить смету. Бюрократический кошмар получения вида на жительство пожирает их душу.

Акры земли, казавшиеся символом свободы, стали каторгой, требующей постоянных вложений, — надо косить траву, обрезать деревья, латать изгородь.

Отношения становятся напряженными — они винят друг друга в решении бросить ту работу, которая теперь кажется лучшей в мире, цивилизацию и комфорт.

Но в конце концов, благодаря целеустремленности и удаче дом медленно просыпается, как феникс, рождающийся из пламени, и здесь снова царит счастье.

Самые успешные экспаты, которых я видела, обладают схожими чертами — они очень целеустремленные,

ВСТУПЛЕНИЕ

работающие, прагматичные, веселые, гибкие и в итоге учатся принимать тот факт, что иногда события идут не по намеченному плану. Они открывают хостелы и ресторанчики, пишут книги, становятся строителями, преподают английский, учатся чему-то новому, часто в креативной сфере. Они работают очень много и зарабатывают куда меньше, чем раньше, но они счастливы.

Вполне вероятно, что такие ребята немного сумасшедшие.

Я одна из них, и вот моя история о том, как я стала успешной французской экспаткой.

Жанин Марш

Bonjour

ГЛАВА 1

Сырым, холодным днем

Сырым, холодным и мрачным днем в феврале десять лет назад я одним днем поехала во Францию. Эта поездка изменила мою жизнь.

Я взяла отгул на работе в лондонском банке и поехала в Кале, в Северной Франции, купить вина с моим отцом Фрэнком и мужем Марком. Мы жили в юго-восточном Лондоне близко к отцу, так что попасть во Францию было легко. Мы могли выбрать между кораблем и поездом всего в часе езды от дома. Первая поездка в Кале оказалась такой легкой, что мы стали ездить туда регулярно. Мы покупали вино в одном из винных супермаркетов, обедали в дружелюбном городе, бродили по магазинам, пробовали местные сыры, которые как будто обжигали язык, и покупали вкуснейшие пироги, которых просто не бывает нигде, кроме Франции. Затем мы садились на корабль или поезд и отправлялись обратно домой. В начале двухтысячных «алкокруизы», как их тогда называли, были очень популярны среди британцев, желавших погрузиться во все французские жидкости. Это было перед экономическим спадом, и паромы, сновавшие по Ла-Маншу, были полны людей, которые хвастались, что купят бутылку вина по цене яйца.

СЫРЫМ, ХОЛОДНЫМ ДНЕМ

В тот февральский день было холодно. Шел мокрый снег, небо было отвратительного серого цвета, как будто кто-то раскрасил его грифельным карандашом. Мы укутались в пальто, шапки и перчатки, на полную включили отопление в машине и задавали себе вопрос, не сошли ли мы с ума, если едем во Францию в такую погоду.

В Кале мы зашли в винный магазин *Majestic*. Я решила показать отцу достойные французские вина, надеясь, что он будет меньше пить крепкий алкоголь, на который стал недавно налегать. Он раздражал всех вокруг — и это было его любимым занятием. Отец мог попробовать вино и максимально громко заявить, что оно мало чем отличается от ослиной мочи — впрочем, он никогда его не выплевывал. В итоге он приобрел бутылку крепкого мерло, и я не сомневаюсь в том, что персонал магазина всем коллективом выдохнул, когда мы вышли за дверь.

В этот печальный день, вместо того чтобы пообедать в Кале, как обычно, мидиями с картошкой фри (самым популярным блюдом Северной Франции), мы решили забраться поглубже. Мы выяснили, что в часе езды от Кале есть приятный типично французский ресторан, где мы сможем насладиться вкуснейшим обедом и потом вовремя сесть на паром обратно в Дувр. От мысли об уютном кафе с дружелюбными официантами и шеф-поваром, который мог бы получить звезду Мишлен, но был заинтересован только в качественной готовке для местных, мы обливались слюной.

Копаясь в картах Франции, я случайным образом выбрала городок под названием Эден. Он был как будто подходящего размера: на карте несколько оранжевых прямоугольников показывали, что там было достаточно зданий, и я была уверена, что в одном из них уж точно

есть место, где мы могли бы пристойно поесть. В конце концов, это Франция — страна высокой кухни.

Мы приехали в Эден как раз в тот момент, когда все рестораны города закрылись перед носом страждущих. Было два часа дня.

— Проклятье, — с отвращением сказал мой отец. — Кто ж захочет жить во Франции!

Мы бесцельно брели по главной улице города, поглубже спрятавшись в воротники пальто, защищаясь от кусачего ветра. Нам было совершенно все равно, что дома в городе были очень красивыми, что в них находились интересные маленькие магазинчики, что городская ратуша была построена во времена Карла V, императора Священной Римской империи и правителя этой части страны в XVI веке. Мы не видели ничего, кроме закрытых окон булочных и знаков «закрыто» на каждом ресторане.

Вскоре нам стало очевидно, что для голодных туристов в зимний день не был открыт ни один ресторан. Измотанные, мы направились на вымощенную булыжником центральную площадь, где припарковали машину. По дороге Марк остановился посмотреть в витрину агентства по недвижимости — он тогда работал в ипотечной индустрии и поэтому, куда бы он ни поехал, всегда смотрел цены на недвижимость. Мы с отцом нехотя притормозили. Пока мы стояли там, удрученно уткнувшись в крохотные фотографии домов за окном, по которому вниз сползали потоки мокрого снега, агент открыл дверь.

Он посмотрел на нас и сказал на английском (и как только догадался?):

— Хотите чашечку кофе? Вы, кажется, замерзли.

Папа зашел в помещение так быстро, что я и не заметила движения. Он устроился в теплом офисе и прикле-

СЫРЫМ, ХОЛОДНЫМ ДНЕМ

бывал кофе, который ему с удовольствием предложил француз.

— Настоящий истинный кофе — французский кофе, — объявил он. Кофе был похож на машинное масло — крепкий, густой и почти черный.

Раз уж мы зашли, агент, будучи хитрым представителем профессии, попытался продать нам дом. Шанс на это у него был равен шансу встретить единорога на пароме по пути домой. Единорога, на котором было написано: «Запрыгивай, я отвезу тебя обратно в Англию очень быстро, тебе не придется слушать, как два мужика ноют о том, как им холодно и как им не нравится этот день». Но я уже была тут. Агент по недвижимости смотрел прямо на меня.

— Сколько у вас денег?

— Нисколько, — ответила я. — У меня вообще нет денег.

— Если бы у вас были деньги на дом, сколько бы их было?

Так мы общались несколько минут, потихоньку отогреваясь, и в итоге француз сказал нам, что мы попали в местность невероятной красоты под названием «Семь долин». Историческое место. Дружелюбное и здесь есть что посмотреть.

— Здесь все закрыто, — буркнул отец.

Агент продолжал болтать о преимуществах жизни во Франции, о том, что наличие дачи может изменить жизнь семьи, что вот это конкретное место — истинная жемчужина, что дома стоят очень дешево, так дешево, что нас это удивит и что у нас на самом-то деле есть деньги.

В конце концов, я в шутку сказала, что если бы у меня были деньги, то их было бы меньше ста тысяч евро.

Я РЕШИЛА ПОКАЗАТЬ ОТЦУ
ДОСТОЙНЫЕ ФРАНЦУЗСКИЕ ВИНА,
НАДЕЯСЬ, ЧТО ОН БУДЕТ
МЕНЬШЕ ПИТЬ КРЕПКИЙ АЛКОГОЛЬ,
НА КОТОРЫЙ СТАЛ
НЕДАВНО НАЛЕГАТЬ.

ОН РАЗДРАЖАЛ ВСЕХ ВОКРУГ —
И ЭТО БЫЛО ЕГО
ЛЮБИМЫМ ЗАНЯТИЕМ.

ОТЕЦ МОГ ПОПРОБОВАТЬ ВИНО
И МАКСИМАЛЬНО ГРОМКО ЗАЯВИТЬ,
ЧТО ОНО МАЛО ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ
ОТ ОСЛИНОЙ МОЧИ — ВПРОЧЕМ,
ОН НИКОГДА ЕГО НЕ ВЫПЛЕВЫВАЛ.

СЫРЫМ, ХОЛОДНЫМ ДНЕМ

Агент аж поперхнулся и стал листать папку, лежавшую на столе. Марк и папа посмотрели на меня так, словно они увидели того единорога, который недавно мне привиделся.

Агент по недвижимости передал мне три листочка и сказал:

— Вот, три дома по цене меньше ста тысяч.

Нас отпустили — очевидно, что британцам две чашки кофе не положены. Он хотел, чтобы мы ушли. На дворе стоял 2004 год, и все, кто приезжал из Великобритании, считались богачами и наверняка могли купить отстойные, старые французские дома за бешеные деньги.

Сели мы обратно в машину и стали спорить о том, что делать дальше. На многие мили вокруг не было ничего, кроме Эдена.

— С таким же успехом можно и на дома посмотреть, они не так уж далеко, — сказала я. Нам же надо было чем-то заняться. У моих любимых мужчин лица от злости побелели.

Марк изогнул бровь и посмотрел на меня тяжелым взглядом — и он выражал вовсе не «все, что ты хочешь, милая жена».

— Ну просто так, — добавила я. — Может, мы найдем открытый бар рядом с одним из них или по дороге увидим что-нибудь. Либо так, либо обратно в Кале.

«Открытый бар». Магические слова для двух замерзших мужчин. Мы отправились в путь вовсе не с серьезными намерениями — мы хотели просто найти открытое кафе где-нибудь в этой глубинке.

Следующие 30 минут мы ехали по крохотным деревенькам мимо сотен грязных полей с несчастными мокрыми коровами. Мы заметили пару церковных шпилей

где-то на горизонте, но совершенно никаких признаков жизни или магазинов. В итоге мы приехали к одному из домов в списке.

Он находился в деревне, в которой была всего лишь одна улица, вдоль которой росли высокие деревья. Улица была такой узкой, что разъехаться на ней могли только две машины. Вдоль дороги бежал небольшой ручей, поэтому к каждому дому был подведен мостик — они казались такими хрупкими, что вряд ли бы выдержали мужчину, не говоря уж о машине. К дому, на который мы приехали смотреть, тоже вел такой мостик. Здесь, очевидно, не было ни кафе, ни бара, так что я предложила осмотреть дом. Я тут же услышала многочисленные стоны — сам воздух в машине был наполнен страданием так же, как воздух снаружи — дождем.

Дом оказался длинной, низкой фермой с белыми стенами, синими окошками и красной черепичной крышей. Типично для этой местности — по дороге мы проезжали множество похожих строений. Дом был, очевидно, пуст, и давно. Сад, полный мусора, зарос сорняками, а на тропинке, ведущей к дому, виднелись следы пожара. Если бы на дворе был Хеллоуин, я бы ушла — дом выглядел настолько пугающе. На окнах не было жалюзи, как в остальных домах в деревне, так что можно было подсмотреть, в каком состоянии была гостиная. Все поверхности были покрыты линолеумом, популярным в 1960-х. Кто-то как будто представил, как могла бы выглядеть психоделическая картина — а потом попробовал ее изобразить. Оранжевые, коричневые, желтые завихрения и круги схлестнулись в битве за самый безумный узор. Тот, кто это придумал, был, вероятно, не в своем уме.

СЫРЫМ, ХОЛОДНЫМ ДНЕМ

Казалось, что человек, который украшал комнату, тоже был нездоров. Линолеум лежал на полу, на стенах, на двери и на потолке. Сложно было сделать комнату более тошнотворной. Мне подумалось, что это могло быть убежищем серийного убийцы. По крайней мере, в фильмах ужасов по телевизору были похожие.

К этому моменту ко мне уже присоединился Марк — отец отказался выходить из машины и тоже смотрел в грязные окна.

— Кто бы мог подумать, что внутри он может выглядеть еще хуже, чем снаружи. Хочешь его купить? — спросил он, хохоча, пока мы возвращались к машине.

Примерно милю мы проехали до следующего дома. И снова это была деревня без кафе, бара, магазинов и признаков жизни. Жалюзи закрыли дом от ледяного зимнего дня, клубы дыма поднимались из нескольких труб, и их тут же сносило ветром. Казалось, что это город привидений, и к тому же, хотя был только день, начинало темнеть.

— Вот и он, — сказала я Марку, наконец заметив номер дома.

Он остановил машину на обочине около довольно симпатичного дома — похожего на предыдущий, но без мусора, сорняков и мостика. Я не выходила из машины — смотреть под ледяным дождем на дома, которые ты не хочешь покупать, — такое себе развлечение.

Недалеко раздался собачий лай, и дверь ближайшего дома открылась. На крыльце появился худой лысый мужчина, одетый в зеленый свитер слегка военного вида. Он стоял не двигаясь и смотрел в нашу сторону. Взгляд его был недружелюбным. Затем на улицу вышли короткостриженная женщина и два ребенка. Все они, не двигаясь, наблюдали за нами.

И ИМЕННО В ЭТОТ МОМЕНТ
ПРЕКРАТИЛСЯ ДОЖДЬ.
ЛУЧ ЗАКАТНОГО СОЛНЦА ПРОРВАЛСЯ
ЧЕРЕЗ ТЯЖЕЛЫЕ ОБЛАКА,
И МНЕ ПОКАЗАЛОСЬ,
ЧТО Я КУПАЮСЬ В СИЯЮЩЕМ
ОКЕАНЕ. У ПОДНОЖИЯ ГРЯЗНОГО
ХОЛМА В ЧЬЕМ-ТО САДУ ЗАКРЯКАЛИ
УТКИ, И ЭХО ИХ ВЕСЕЛОГО КРЯКАНЬЯ
РАЗНЕСЛОСЬ ПО ДОЛИНЕ КАК СМЕХ.
ГДЕ-ТО НЕДАЛЕКО Я УСЛЫШАЛА
НЕЖНОЕ БЛЕЯНИЕ ОВЦЫ —
ОНО ЗВУЧАЛО КАК ПРИВЕТСТВИЕ.
РИТМИЧНЫЙ, МЕЛОДИЧНЫЙ
И УСПОКАИВАЮЩИЙ ЗВУК ЦЕРКОВНЫХ
КОЛОКОЛОВ ПОПЛЫЛ В ВОЗДУХЕ.
КАЗАЛОСЬ, ЧТО ЭТО БЫЛА СУДЬБА.

